

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее – решились) написать биографию «первого большевистского царя Иосифа Сталина». Так вы назвали моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все записанное мною на протяжении десятилетий – небывалых десятилетий! – попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться – приходится торопиться.. Я передаю рукопись вам. Я писал ее тогда и теперь. Тогда, в стране по имени СССР, записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное – живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камиля Демулена. И отец гильотины,

немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах отсюда Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до упаду сами аристократы. А вскоре такие же Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять «нашего Кобу» — как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которыми Коба поставил три восклицательных знака: «Мы уйдем, но на прощанье так хлопнем дверью, что мир содрогнется...»

Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше — к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче в ту ночь. В ту судьбоносную ночь, когда все случилось! Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих знаю только я, его безутешный друг Фудзи, не перестающий думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время схоронился в тени Истории. И, поверьте, Хозяин, как справедливо звала страна «нашего Кобу», вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах — старческий запах пота от поношенного кителя генералиссимуса».

*Подписи не было.
Далее шла рукопись.*

Полезные уроки «товарищей мерзавцев»

В очередное воскресенье Коба позвал меня на Ближнюю дачу.

Там я застал Бухарчика. Нас теперь постоянно сводили вместе.

Коба попросил продолжить рассказ о Германии.

Я постарался выбрать тему побезобидней, хотя это было нелегко. Уж очень мы были похожи...

Знаменитая выставка «дегенеративного искусства» еще не состоялась, но кампания против великих модернистов — Шагала, Отто Дикса, Ван Гога, Мунка, Кандинского, Кошки, Макса Эрнста и других — шла в немецких газетах полным ходом. Гитлер назвал их живопись «наглой выдумкой еврейских проходимцев и сумасшедших неврастеников». И пообещал проходимцев отправлять в тюрьмы, а неврастеников — в больницы...

Бухарин слушал мой рассказ вполуха, он, как и я, читал немецкие газеты (если я их

читал по службе, то ему эту привилегию подарил Коба) и хорошо знал все, что я рассказывал. Он пил чай и поедал конфеты (он был сладкоежка).

— Между нами говоря, искусство указанных товарищей дегенератов и вправду непонятно народу, — усмехнулся Коба. — Давай дальше, Фудзи.

Бухарин вздрогнул и начал слушать внимательнее.

Я продолжал:

— «Дух нашей партии, — писал Геббельс, — должен пронизывать все наше искусство. Новое нацистское искусство должно быть героическим, проникнутым стальной романтикой, национальным и патетическим...».

— И это недурно сказано... Чему еще учат товарищи мерзавцы?

Бухарин в ужасе слушал меня — он уже догадывался.

— «Немецкое искусство призвано воспитывать оптимизм. Никакой бедности, никаких известий о поражениях — даже в спорте. Немцы должны только побеждать».

Коба засмеялся:

— На днях привезли мне наш новый фильм «На Дальнем Востоке», где в конце

погибал наш разведчик. Неумным товарищам авторам товарищ Сталин объяснил: «Мы страна победителей. Мы победили царя, голод, интервенцию, буржуазию и даже смерть. И наше кино обязано воплощать лозунг: «Пусть погибают наши враги...» Рассказывай дальше Фудзи.

— «Противник, побежденный в сфере политики, может хитро перебросить свои силы в область культуры. Поэтому там их должен встретить не опасный вакуум, но целая армия... такая же армия, как на поле боя...»

— Между нами говоря, и здесь мерзавцы не ошиблись. Нам тоже нужны армии деятелей искусства. Доступного массам, оптимистического искусства... Мы, Николай, поручим это дело тебе... — (Надо было видеть несчастное лицо Бухарина!) — Нам требуются новые объединения работников культуры. Им надлежит беспощадно изгонять непонятные народу выкрутасы, слишком долго бывшие у нас в моде.

Бухарчик понял: ему поручают уничтожить авангард — искусство Революции. Он уже готовился возразить. Но Коба не дал ему раскрыть рта, продолжив:

— Товарищи империалисты мечтают уничтожить нас. И мы создаем неприступную

крепость. Бастион! Ты, Николай, самый блестящий наш политик, сможешь создать бастион нового искусства победившего пролетариата. Это будет армия работников культуры, защищающая от врага наши партийные идеи. Думаю, настало время собрать съезд писателей и провозгласить эту всемирно-историческую задачу!

Как хорошо Коба знал его! «Всемирно-историческая задача!» Это Бухарин понимал. Глаза «самого блестящего политика» загорелись, грудь распрямилась.

— Я сделаю это, Коба! Мы создадим новые союзы — писателей, композиторов, художников... — Он вскочил со стула. Жидкий хохолок петушком встал на голове, он импровизировал: — Альфа и омега будущих союзов — «партийность». Только произведения, служащие партии, имеют право жить. И потому структура новых союзов писателей, композиторов, художников должна быть... копией структуры партии! Те же секретари, пленумы, съезды. Никаких неофициальных группок в искусстве! Они будут изгоняться, как оппозиционеры в партии...

Коба аплодировал!

— Да, Коба, — вдохновенно токовал Бухарин. — Пусть свистят, улюлюкают наши

модернисты. Мы им скажем: «Напрасно беснуетесь! Нам нужно реалистическое искусство — искусство для народа. Нам нужны Толстые, Пушкины, Рембрандты, но новые, беззаветно преданные партии и рабочему классу...» Это будет новый невиданный реализм — реализм социалистический!

— Социалистический реализм! — восхищенно повторил Коба и обнял его. — Ты «любимец партии»! Ильич прав! Кстати, товарищ Горький тоже не жалуется местечковых новаторов. Я вот что подумал, Николай. Ты будешь готовить съезд писателей в связке с Алексеем Максимовичем. Два титана! Если, конечно, ты не против...

(Максима Горького по указанию Кобы несколько лет назад уговорили вернуться из эмиграции. Коба окружил нашего пролетарского классика невиданным почетом.)

— Но Алексей Максимович может не согласиться? — с несчастным видом спросил Бухарин, спустившийся снова на проклятую землю.

— Я обещаю!

Когда Бухарин ушел, Коба сказал мне:

— Догадываешься, как голосовал этот двурушник? Но сейчас предатель нужен в хозяйстве. Он и Горький. Думаю, их авторитет

защитит наши Союзы от криков европейских леваков.

— Ты действительно уверен, Коба, что Горький согласится?

— Наш великий путаник товарищ Горький?.. — И Коба, прыская в усы, принялся перечислять многочисленные грехи Горького, начиная с его яростных выступлений против Октябрьского переворота. — Мы всё помним, и он это знает. Грехи надо замаливать. Это раз... К тому же у него скоро юбилей. Думаю, мы щедро отметим юбилей великого пролетарского писателя? — Коба засмеялся. — Товарищи предлагают: присвоить имя Горького городу, где он родился, — раз, главной улице в Москве — Тверской, которая идет к Кремлю и Художественному театру, — два... И самому театру тоже дадим его имя...

— Подожди, Коба! — осторожно сказал я. — Художественный театр всегда называли «театром Чехова».

— Товарищ Чехов умер, а товарищ Горький жив. И мы накрепко привяжем товарища Горького к партии... Самыми крепкими и желанными для господ интеллигентов канатами — канатами тщеславия... Товарищ Горький должен возглавить новое, нужное партии искусство. Тем более что Бухарчик, —

он помолчал, вздохнул, — *не вечен*. — И внимательно посмотрел на меня: услышал ли я эти слова.

Я услышал.

Мой первый безумный поступок

На юбилее Горького Коба еще раз доказал силу «канатов тщеславия»...

Среди приглашенных числился знаменитый французский радикал — писатель Анри Барбюс. Я очень обрадовался. В это время я много работал в Париже. С точки зрения расширения нашей агентуры во Франции Барбюс, автор знаменитого антивоенного романа «Огонь», был перспективен. Но Ягода сообщил мне, что никакого Барбюса в Москве не будет. Оказывается, француз написал протроцкистскую статью, и теперь с ним всю воевали правоверные французские коммунисты и Коминтерн.

Я пожаловался Кобе.

— Идиот твой товарищ Ягода. Кругозор фармацевта, — сказал он. — Барбюс — политический капитал, и мы никому не позволим его транжирить. Ты его получишь. Он к нам придет. Но присмотришь к нему сам.

Я незримо сопровождал Барбюса. Начиная с того момента, когда на границе, под кума-

човым транспарантом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» он пересел в наш поезд. Состав, который подали Барбюсу, был отнюдь не пролетарский. Это был спальный состав царского времени — куда более роскошный, чем новые европейские люкс-поезда, и намного более удобный: вагоны шире, а скорость меньше. На этом царском поезде его повезли в нашу невиданную империю, где правил пролетариат, — в Советскую республику, в новый мир. В вагон Барбюса посадили нескольких наших сотрудников, и как только отъехали от границы, его обработка началась. Француз не понимал язык, и хорошенькая переводчица (естественно, наша сотрудница) переводила и все объясняла ему. Рядом с ним в купе оказались двое трогательно простоватых мужичков. Переводчица рассказала, что это колхозники, возвращающиеся домой после отдыха, и что отдых и роскошный вагон оплатили они сами из заработанных в колхозе трудовней. Барбюс был в восторге...

После приезда в Москву я заполнил все дни писателя. Его беспрерывно куда-то возили — в театры, на выставки, на экскурсии по городу. Он смотрел, слушал и воодушевлялся... И записывал в Дневник все, как надо

(каждый вечер я просматривал записи, пока он отсутствовал).

«Москва великолепна, — писал Барбюс в Дневнике, — Красная площадь — нечто поразительно татарское, восточное, византийское, а рядом, словно выходцы из другого мира, — сверхсовременные дома Корбюзье. В церквях — древние закованные иконы, сверкающие драгоценными окладами, а в какой-то сотне метров от них лежит в своем стеклянном гробу Ленин...»

Ему показали во всей красе столь желанную страну. Когда он бывал в музеях, несколько десятков наших сотрудников становились толпой рабочих, солдат, крестьян, неистово жаждущих насладиться искусством.

Так что он смог написать в Дневнике про «бескорыстное и искреннее стремление новой власти одним махом поднять народ из тьмы невежества до понимания Ренуара и Рембрандта». Он восхищенно говорил переводчице: «До чего же замечательный, одаренный и добрый, этакий большой ребенок ваша Россия! Вас, русских, неверно называют терпеливыми. Вы терпеливы телом и даже душой. Но мышление у вас куда нетерпеливее, чем у любого другого народа, вам по-

давай сию минуту все искусство, все тайны жизни».

Но особенно пленяли его читательские восторги. Оказывается, наши простые люди читали его... не переведенные в СССР книги. Видимо, по-французски! Но он был готов уже поверить и этому... когда случилось неприятное.

Это произошло после очередной встречи с читателями. Молодая женщина, пробравшись через толпу «благодарных читателей», так и не поняв, кто эти «читатели», ловко сунула ему в карман записку. Я увидел. Тотчас пробился к нему и так же ловко выкрал ее.

«Верьте не всему, — писала она, — что вам говорят. Точнее, *всему не верьте*. За всеми нами следят, и за вами — не меньше. Ваша переводчица передает каждое ваше слово. Телефон ваш прослушивается, каждый шаг контролируется. Письмо это не просто порвите, потому что кусочки из вашей мусорной корзины достанут и составят их вместе».

Потом случилось... безумное! Уже в гостинице, когда он обедал, я... положил письмо обратно — в его пиджак! Почему? Не знаю. Думаю, пытался доказать себе, что я не раб.